

Адам Даниэль Ротфельд

**Куда идет мир?
Детерминанты изменений
в международной системе**

Вступительные замечания

На вопрос, вынесенный в заголовок, многие выдающиеся интеллектуалы и знатоки международных проблем отвечают: мир идет по неверному пути. Из этого ответа можно сделать вывод, что его авторы знают, как мир должен развиваться, какое направление верно и желательно. С сожалением признаюсь, что у меня нет ни такой же уверенности, ни ясности: ясные и однозначные ответы, как правило, содержат оценку. На эту оценку влияют различные факторы: как знание и опыт, так и интуиция и система ценностей, которыми руководствуется человек, формулирующий определенный прогноз. В вопросах международной безопасности ключевое значение имеет то, кто и зачем отвечает на вопрос о том, куда идет мир.

Исследователи, которые именно таким образом разрабатывают прогнозы, исходят из принципа, что «завтра начинается сегодня», т. е. будущее детерминируется тем, что произошло в прошлом. Такое понимание отличается многими слабостями. Оно предполагает, что развитие имеет линейный характер и опирается на «законы истории». В этом состояла сущность исторического детерминизма, согласно которому каждое явление однозначно определено правильным пониманием ситуации, в которой оно происходит. Словом, в похожих условиях происходят похожие явления.

На самом деле сложившаяся к моменту наблюдения реальность является исходным пунктом для прогнозирования, но ни в коем случае не определяет ни направление, ни темп дальнейшего развития. Прямая проекция в будущее того, что было действительностью второй половины XX века, привела к тому, что многие средне- и долгосрочные прогнозы являются сегодня свидетельством ошибочного понимания исследователями сущности тогдашнего положения вещей. Лишь немногие мыслители замечали тогда, что политическая система монопартийности, господствующая в Советском Союзе и навязанная другим государствам региона Центрально-Восточной Европы, уже завела в тупик и ведет эти страны в никуда. Ни один из многочисленных советологических центров на Западе не предвидел развала Советского Союза в XX веке. Завихрения социально-политического и экономического происхождения, а также межэтнические напряженности предвидели многие¹. Однако никто не сформулировал прогноз, который бы обещал быстрый распад советской империи². В сущности, только немногие мыслители (а еще меньше политиков) осмеливаются ставить принципиальные вопросы о том, в чем состоит суть происходящих в мире изменений и каковы могут быть последствия качественно новых явлений для мира в целом.

Трудности прогнозирования

Как правило, размышления исследователей имеют фрагментарный характер и касаются демографии, развития технологий, сырьевых запасов, климатических изменений, будущей роли отдельных регионов, держав, а также многосторонних институтов и международных структур. Рациональным обра-

¹ Наиболее резонансной была изданная в конце 70-х гг. прошлого века работа Элен Каррер д'Анкос «Распавшаяся империя». См.: H. Carrère d'Encausse, *L'Empire éclat*, Flammarion, Paris, 1978.

² Через два года после прихода к власти Михаила Горбачева американский исследователь Поль Кеннеди опубликовал книгу «Взлет и падение великих держав». См.: P. Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Random House, New York, 1987.

зом можно предвидеть направления развития: экономического, демографического или экологического. Но явления, события и влияние личностей, осуществляющих власть, на роль отдельных народов, государств и регионов в развитии мира предвидеть невозможно. Ян Блох в конце XIX века с такой огромной точностью предвидел вероятные катастрофические экономические последствия будущей большой войны, что после окончания первой мировой был признан почти пророком. Но ни его профетическое произведение³, ни его организационная деятельность, которая привела к созыву на рубеже веков Гаагской конференции и принятию многих соглашений, не предотвратили начала войны⁴. В первом десятилетии XX века никто не считал, что совершенный в октябре 1917 г. горсткой фанатиков большевистский переворот в России (позже названный «великой социалистической революцией») изменит более чем на 70 лет облик всего мира.

Нет такой методологии, которая позволила бы предвидеть появление харизматичных фанатиков, способных навязать свою волю миллионам людей в разных регионах мира, таких как Ленин и Сталин в России, Гитлер в Германии, Мао Цзэдун в Китае, Перрон в Аргентине или Фидель Кастро на Кубе.

Есть еще одна причина, которая затрудняет прогнозирование в наше время. Создание сценариев будущего развития мира как практическая цель, которую ставят перед собой лица, принимающие решения, было и по-прежнему связано с

³ J. Bloch, *Przyszła wojna pod względem technicznym, politycznym i ekonomicznym* (6 tomów), Gebethner i Wolff, Warszawa, 1899.

⁴ Причины такого положения компетентно объяснил Гжегож Бомбьяк в своем поразительно глубоком введении к избранному из шеститомного произведения Блоха, которое было написано с мыслью о том, чтобы предотвратить войну. В своих «Недельных хрониках» Болеслав Прус так подытожил размышления Я. Блоха: «благодаря усовершенствованию оружия война принесет всем лишь убытки, а выгоды не даст никому». Пророческими были также слова: «В результате всех этих условий “будущая война”, вместо того чтобы закончиться внешней победой, может закончиться внутренней катастрофой, примера которой до сих пор не было в истории». Цит. по: J.G. Bloch, *Przyszła wojna pod względem technicznym, politycznym i ekonomicznym*, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa, 2005. – С. 17.

требованием безопасности государств и оборонным планированием с опережением в 20-25 лет.

Правильный ответ на вопрос, как приспособить вооружение и средства защиты к тому, чтобы успешно противодействовать будущим угрозам, требует времени на разработку новых технологий и внедрения их в производство. Это особенно трудная задача, когда риск и угрозы имеют нетипичный характер. Конфликты и войны, если судить на основании последних 17 лет после окончания холодной войны – за несколькими исключениями, имели, как правило, характер асимметричный: риск и угрозу для государств создавали не столько другие государства, сколько различного рода террористические организации и структуры, называемые «негосударственными акторами». Так, например, в 2005-2006 гг. было 17 больших вооруженных конфликтов; ни один из них не имел межгосударственного характера – все войны происходили внутри государств⁵.

Главным источником угрозы и дестабилизации являются сегодня государства слабые и несостоятельные, а не – что было когда-то закономерностью – сильные, агрессивные военные державы. Сегодня эти державы зачастую используют слабые государства для войн от своего имени, а террористические и уголовные организации являются орудиями дестабилизации государств, против которых направлена агрессия. Хезболла, нападающая на Израиль с территории южного Ливана, создала для Израиля гораздо большую угрозу, чем соседние арабские государства, включая Сирию. Поддержка, оказываемая Хезболле со стороны Ирана, является секретом полишинеля. В будущем – чаще, чем это происходило в прошлом, – на ситуацию в мире и международное положение будут значительнее влиять отношения внутри государств, чем между ними. Эта простая истина с трудом прокладывает себе

⁵ Лишь три из более чем 60 вооруженных конфликтов в 1991-2007 гг. имели «классический» характер войн между государствами: это была вооруженная борьба между Пакистаном и Индией за господство над Кашмиром, война между Эритреей и Эфиопией после отсоединения Эритреи от Эфиопии, наконец, американская вооруженная интервенция в Ирак. См.: *Major Armed Conflicts*, „SIPRI Yearbook 2007. Armaments, Disarmament and International Security”, Oxford University Press 2007. – С. 55-93.

дорогу к умам политиков, принимающих решения, а также политических обозревателей и аналитиков безопасности. В масштабе последних 300 лет это, бесспорно, качественно новое явление. В Европе подобные угрозы наблюдались в XVII веке, в период религиозных войн. Эту главу окончательно закрыли два договора, заключенные в 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке. Они вошли в историю под названием Вестфальского мира, который на 350 лет ввел международно-правовой порядок, опирающийся на признание государства единственным ответственным субъектом в международных отношениях. Конец 90-х гг. прошлого века предвещал начало ломки системы, в которой государства и только государства поносили исключительную ответственность за вооруженные действия, совершаемые с их территории против других государств.

В этой новой ситуации старая система подвергалась эрозии и уже не была адекватной разрешению конфликтов, а новая система еще не сформировалась. В результате общественное мнение направляло свои критические оценки, касающиеся неэффективности системы, многосторонним международным институтам, а в особенности ООН, НАТО и Европейскому союзу, а также ОБСЕ. Возникло убеждение, что причиной неэффективности многосторонних структур является их кризис и организационная несостоятельность. Отсюда появилось требование поиска способов повышения эффективности мультилатерализма: новый международный порядок, таким образом, должен был опираться на эффективный мультилатерализм. Такое требование выдвинул Хавьер Солана в принятой ЕС 12 декабря 2003 г. Стратегии европейской безопасности⁶. Подобные документы были подготовлены во многих других международных учреждениях, в частности, в ООН и ОБСЕ⁷. Главной мыслью этих отчетов было убеждение в

⁶ См.: www.consilium.europa.eu.

⁷ *Report of the UN Secretary-General's High-level Panel on Threats, Challenges and Change*, United Nations, New York 2005. Отчет подобного рода был подготовлен также под руководством ОБСЕ секцией «Panel of Eminent Persons on Strengthening the Effectiveness of the OSCE»: *Common Purpose. Toward a More Effective OSCE*, Vienna, 2005.

том, что улучшение структур и институтов является ответом на новые риски и угрозы.

Трудности в дефинировании новой международной системы разнообразны.

Во-первых, существующие институты возникли в результате второй мировой войны и послевоенного развития. Они существуют дольше, чем условия и обстоятельства, в которых были созданы. Дело в том, что международные отношения по своей природе являются процессом динамичным, а организации, структуры, механизмы и процедуры имеют статичный характер и закрепляют решения, которые все менее адекватны новой действительности.

Во-вторых, идеями, организующими международную безопасность мира периода холодной войны, были взаимное «устрашение» и «сдерживание». Это детерминировало главные линии раздела (Восток-Запад), идеологическую, политическую и военную конфронтацию, следствием которых была политическая философия «исключения» (*exclusiveness*), а устрашение после окончания холодной войны и принятия общих ценностей, принципов и норм сменили концепции «совместного действия» (*cooperativeness*) и «взаимного участия» (*engagement*). Для новой ситуации ответом являются философия «включения» (*inclusiveness*), преодоление разделов и сотрудничество. Результатом является не только увеличение количества членов институтов, которые раньше объединяли лишь государства Западной Европы и Соединенные Штаты (напр., НАТО, Европейский союз), но также вся система новых связей такого типа, как Партнерство ради мира, Евроатлантический совет партнерства, Совет НАТО-Россия, Комиссия НАТО-Украина и разнообразные региональные и субрегиональные учреждения, касающиеся главным образом Средиземного моря (Средиземноморский диалог, Стамбульская инициатива) и Центральной Европы – Вышеградская группа, Центральноевропейская инициатива и т. п.

Наконец, в-третьих, мир находится в периоде, который можно определить термином «Межвременье». Знаменательно

то, что непосредственно по окончании холодной войны подходящего определения, передающего сущность нового положения международных отношений, не было. Использовался термин «период после окончания холодной войны», но формирование нового типа отношений в мире привело к тому, что он уже не передает сути. В какой-то степени новая ситуация определяется лишь с помощью отрицания: «период холодной войны отошел в прошлое». Но это ни в коей мере не определяет, в чем состоит сущность нового периода. Более того, расширение старых структур и создание новых привели к своеобразной институционализации «постхолодновоевропейского» типа отношений, которые отчасти уже проверены временем.

Выдающийся американский социолог Роберт Джервис более 15 лет назад обратил внимание на несколько существенных факторов, объясняющих неумение исследователей международных отношений правильно прогнозировать. В своем очерке⁸ он указал восемь причин неосуществления предвидений ученых восьмидесятих годов прошлого века. Во-первых, общественные науки располагают ограниченным объемом знаний и лишь немногие правила и законы имеют подтвержденный характер, являются несомненными. Во-вторых, необычайно редко отдельный фактор детерминирует политическое развитие мира. В-третьих, обучение международной политике может быть частью самоотрицающего прогноза. В-четвертых, как долго национальное поведение и международные отношения не будут вполне детерминированы внешними факторами, так же долго останется значительное пространство для совершения политиками свободного выбора (другими словами, это аспект волюнтаризма и безапелляционности в принятии решений руководителями государств). Пятым препятствием является то, что нынешняя ситуация в мире не имеет прецедента. В-шестых, внешние факторы – хотя они и важны – не работают вне мировой системы в целом. В-седьмых, ход истории невозможно

⁸ R. Jervis, *The Future of the World Politics. Will it Resemble the Past?* // „International Security” 1991/1992, № 3. – С. 39–45.

предвидеть, нет заранее определенных путей, а новый мир может полностью отличаться от того, который мы знаем. Из этого следует последняя, по мнению Джервиса, трудность в прогнозировании, а именно: обобщения, опирающиеся на наш опыт, могут не иметь в будущем никакого значения.

К этому каталогу я бы добавил два соображения. Во-первых, свойствами общественных наук являются познавательная функция и функция, объясняющая явления и тенденции, но вовсе не обязательно прогностическая функция. Во-вторых, исследователи международных отношений, как правило, занимаются отношениями между государствами, в то время как в последней четверти прошлого века изменения вызревали внутри государств, и именно они определяли фундаментальную трансформацию мировой системы, а не отношения между государствами. Внешнее воздействие имело вспомогательный характер, оно не было действенным и решающим фактором.

Великая Перемена наступила не в результате войны и победы, когда побежденная сторона принимает условия и правила, навязанные победителями. Так было после окончания наполеоновских войн во время Венского конгресса (1815 г.), после окончания балканских войн и объединения Германии на Берлинском конгрессе (1878 г.), после первой мировой войны, когда державы-победительницы продиктовали условия нового политико-правового порядка в Версальском договоре (1918 г.) или, наконец, после второй мировой войны и безоговорочной капитуляции Германии, когда державы большой антигитлеровской коалиции определили глобальные принципы и нормы в Хартии Объединенных Наций и новый политико-территориальный порядок в Европе в Потсдамском соглашении (1945 г.).

Окончание холодной войны имело иной генезис, иной ход развития и другие последствия. Была закрыта глава гегемонии и господства великих держав и преодолено разделение Европы и мира на Восток и Запад. Двуполярная система ушла в

прошлое. Старая система окончательно разрушена, но новая еще не сформировалась.

Поиск новой системы

Широко распространено убеждение в том, что международную систему можно сформировать по определенной модели. Это вытекает из потребности упорядочения сложной материи, воспринимаемой как мир хаоса, неуверенности и нестабильности. В результате после разрушения двуполярной системы появились две диаметрально противоположные концепции: однополярная модель, которая по сути представляла собой попытку описания новой роли Соединенных Штатов как доминирующей державы-гегемона в современном мире, и многополярная модель, которая имплицитно предполагала разделение мира на зоны влияния между отдельными глобальными державами. Другими словами, вместо двух центров гравитации (которыми в прошлом были Вашингтон и Москва) новые модели предполагали в рамках униполярной модели гегемонистскую позицию Соединенных Штатов или, в рамках мультиполярной модели, особые права нескольких других крупных держав, которые диктовали бы свою волю государствам, входящим в их зону влияния. Это поиск своеобразной новой директории государств, которые должны были бы управлять миром. Данные поиски опираются на предположение, что полярность по своей сути является извечной идеей, организующей международное сообщество. На самом деле двуполярный мир был скорее отходом от правила – он представлял собой лишь отражение конкретной исторической ситуации, сформированной после второй мировой войны, когда две державы-победительницы (Соединенные Штаты и Советский Союз) не только располагали огромным арсеналом ядерного оружия, достаточным для взаимного уничтожения, но также стали осью гравитации для двух противоположных социально-политических систем.

Концепция взаимного устрашения, в основе которой находилась очень высокая вероятность атомной войны, сопровож-

далась высокой степенью стабилизации. «Вооруженный мир» предполагал сохранение территориально-политического *status quo* на пространстве господства двух военно-политических блоков.

Новая международная политическая и военная среда фундаментальным образом отличается от той действительности, которая была причиной и источником холодной войны между Востоком и Западом. Новая действительность несравнимо более сложна, а попытки управления или «командования» миром, соответствующие политической философии соперничающих между собой центров власти («мультиполяризм»), неадекватны изменениям, происходящим в современном мире. С военной точки зрения, Соединенные Штаты и Россия (как правопреемница Советского Союза) давно утратили атомную монополию. Более того, произошла серьезная эрозия режима нераспространения атомного оружия, которое имеют не только пять великих держав – постоянных членов Совета безопасности ООН, но и Индия и Пакистан, а также Израиль, считающийся – хотя он и не проводил испытаний этого оружия – «ядерным государством». Существенным фактором дестабилизации являются государства, отрицающие сформированный политический и международно-правовой порядок (Северная Корея и Иран), которые, вопреки официальным декларациям и принятым обязательствам, с переменным успехом, под предлогом строительства атомных реакторов для мирных целей, предпринимают попытки развертывания собственных программ конструирования атомного оружия. Около 20 других государств имеют настолько высокую степень технологического развития, что за относительно короткое время они тоже были бы в состоянии получить собственное ядерное оружие. По сути единственным эффективным способом предотвращения распространения этого оружия был бы полный отказ от него всего мира. Хотя такая программа из нынешней перспективы представляется малореальной, заключенные соглашения о запрещении других видов оружия массового уничтожения (напр., бактериологического и токси-

ческого в 1972 г., а также химического в 1993 г.⁹) свидетельствуют о том, что в благоприятных обстоятельствах атомное разоружение мира в XXI веке также станет возможным.

Из этой предпосылки исходят два бывших государственных секретаря США Джордж Шульц и Генри Киссинджер, а также бывший министр обороны Уильям Перри и бывший сенатор Сэм Нунн, которые совместно опубликовали проект, направленный американским руководителям с призывом предпринять действия по избавлению мира от ядерного оружия¹⁰. Авторы не ограничились этим призывом, но начали работу над конкретизацией политических шагов, направленных на реализацию этого проекта, – с участием самых выдающихся американских экспертов. В этом контексте напрашивается редко приводимое соображение общего характера. В последний период холодной войны удалось согласовать и внедрить в жизнь довольно убедительный и эффективный инструментарий военных средств построения доверия, ограничения вооружений, а также полного их уничтожения. В совокупности это более 35 конвенций, соглашений и протоколов, которые образуют международную юридическую базу контроля над вооружениями в региональном и глобальном масштабе¹¹. После ломки биполярной системы ожидалось, что соглашения, уже прошедшие процесс переговоров и подписанные (как, например, Договор о полном запрещении испытаний ядерного оружия, *СТВТ*), будут быстро ратифицированы и войдут в жизнь, а другие, касающиеся трудных вопросов, связанных, например, с нераспространением новых технологий

⁹ Соглашение о полном запрещении биологического оружия вошло в жизнь 26 марта 1975 г. А запрет на развитие, производство, складирование и использование химического оружия, а также обязательство по его уничтожению вступило в силу 29 апреля 1997 г.; государства-стороны соглашения обязались уничтожить химическое оружие и средства для его производства до 29 апреля 2012 г.

¹⁰ „The Wall Street Journal” от 4 января 2007 г. Превзошедшая все ожидания положительная реакция склонила авторов к развитию данного проекта. См. также „The Wall Street Journal” от 15 января 2008 г.

¹¹ N. Bodell (ред.), *Arms Control and Disarmament Agreements – Annex A // „SIPRI Yearbook 2007. Armaments, Disarmament and International Security”*. – С. 667–691.

двойного (гражданского и военного) назначения, будут быстро согласованы – без преград и трудностей, на которые переговоры в этой области наталкивались в прошлом.

Неожиданностью для многих наблюдателей и аналитиков безопасности является не только отсутствие прогресса в ограничении вооружений и разоружении, но и явный регресс во внедрении в жизнь обязательств, принятых в период холодной войны. Наиболее разительным примером является эрозия системы нераспространения ядерного оружия: созванная под руководством ООН в 2005 г. очередная обзорная конференция по Договору о нераспространении (*NPT*) впервые за 35 лет не смогла выработать ни одного документа, который бы подтверждал прежние соглашения и укреплял режим нераспространения. К счастью, обзорная конференция в 1995 г. приняла постановление о том, что Договор о нераспространении действителен без ограничений во времени. В противном случае отсутствие согласия в 2005 г. могло бы означать практически конец этого чуть ли не самого важного универсального документа, который установил режим нераспространения ядерного оружия в мировом масштабе. Другим примером является продолжающийся около 30 лет застой в работе Женевской конференции ООН по разоружению. Более того, мы являемся свидетелями отступления обеих великих держав (Соединенных Штатов и России) от ранее заключенных договоров (напр., *АВМ*) на базе взаимного согласия или односторонних решений о «приостановлении» применения соглашений, например, об ограничении согласованных видов вооружения в Европе (*CFE*)¹².

Одновременно заключаются неформальные соглашения за пределами системы ООН, которые зачастую являются более

¹² Такая судьба постигла Договор *АВМ* о противоракетной обороне, заключенный между США и СССР. 13 декабря 2007 г. Россия приняла решение о выходе из договора (*CFE*), заключенного в 1990 г. и вошедшего в жизнь в 1992 г. В ответ на вопрос генерального секретаря ООН: «Как пропагандировать программу разоружения?» – на 48-й сессии Совецательной коллегии генерального секретаря ООН (*SG's Advisory Board on Disarmament Matters*) автор представил критическую оценку возникшей ситуации и предложил средства противодействия ее дальнейшему ухудшению („*Food for Thought*“), New York, 16–18 июля 2007 г.

эффективными, чем международные правовые договоры (например, представленная президентом США Джорджем Бушем в Кракове в 2003 г. *Proliferation Security Initiative, PSI* – инициатива укрепления безопасности путем противодействия распространению – получила поддержку главных ядерных и неядерных держав и оказалось эффективным инструментом контроля над вооружениями). Примеров этого типа поисков выхода из положений, на первый взгляд, безвыходных, можно привести много: например, соглашение 1996 г., заключенное в Вассенааре, касающееся контроля за экспортом согласованных видов оружия и технологий и производства двойного (гражданского и военного) предназначения.

Попыткой ответа на новые вызовы являются также различные инициативы глобального характера, как, например, инициатива по сокращению угроз (*Global Threat Reduction, GTR*), Гаагский кодекс противодействия распространению баллистических ракет или неформальный режим контроля за экспортом ракетных технологий (*MTCR-Missile Technology Control Regime*). Хотя те или иные инициативы приводят к тому, что мир становится более безопасным и не погруженным полностью в хаос и беспорядок, хотя они в определенной мере обеспечивают стабильность и ограниченную предсказуемость поведения государств, они не складываются в новую, цельную систему. Важнейшим институтом, созданным вне системы ООН, является Большая восьмерка, т. е. группа восьми самых богатых промышленных государств мира, в состав которой входят Франция, Япония, Канада, Германия, Великобритания, Италия, Соединенные Штаты и Россия. С одной стороны, это была попытка перехватить инициативу неформальной группой держав в вопросах, которые по своей сути должны быть объектом размышлений и решений Совета безопасности ООН, а с другой – выход навстречу ожиданиям международной общественности, разочарованной неэффективностью или дисфункциональностью институтов, созданных в рамках существующего международно-правового порядка.

Изменение роли государства

Мы являемся свидетелями эрозии института государства и роли, которую оно исполняло в течение более 350 лет в рамках вестфальской системы. Классическая дефиниция государства включает в себя три элемента: определенную территорию, население и эффективно осуществляемую власть¹³. По закону, фундаментом которого в международных отношениях является Хартия Объединенных Наций, территориальное руководство и принцип суверенного равенства государств запрещает вмешательство в вопросы, относящиеся к внутренней компетенции какого-либо государства¹⁴. На самом деле, в течение более 60 лет с момента подписания Хартии Объединенных Наций произошло несколько существенных изменений, которые надлежащим образом не предусмотрены ни в теории международного права, ни в практике международных отношений. Три классических критерия дефиниции государства должны быть и по сути уже дополнены – в результате заключенных договоров и соглашений – новыми требованиями: а) государственная власть должна быть не только эффективна, но и на базе внутреннего законодательства призвана применять правила и нормы, следующие из международных правовых обязательств (это в особенности касается соблюдения прав человека и прав меньшинств); б) государства оцениваются собственными обществами и международными институтами и подотчетны им (например, Совет по правам человека ООН – в универсальном масштабе – или ОБСЕ и Совет Европы – в региональном масштабе; власти не могут уклоняться от этой обязанности, ссылаясь на принцип невмешательства во внутренние дела). Другими словами, мир

¹³ L. Antonowicz, *Podręcznik prawa międzynarodowego*, Wydawnictwo LexisNexis, Warszawa 2006. – С. 13.

¹⁴ Этот запрет следует из ст. 2, п. 7 Хартии ООН, согласно которому «ни одно положение настоящей Хартии не уполномочивает Объединенные Нации вмешиваться в вопросы, которые по своей сущности относятся к внутренней компетенции какого-либо государства, и не обязывает членом передавать такие дела для решения в порядке, предусмотренном настоящей Хартией».

Межвременья опирается на новые принципы, регулируется дополнительными механизмами и процедурами, которые представляют собой существенное дополнение классического правового порядка, существующего в вестфальской системе.

Развитие мира будущего детерминируют три главных процесса: глобализация, сопровождающая ее модернизация и демократизация, которой предшествует формирование правового государства. Эти процессы происходят одновременно, являются наднациональными и охватывают всю международную общественность – хотя и в неодинаковом масштабе и в различной степени. Сознание этого положения с трудом прокладывает себе путь как в части руководящих элит, которые стремятся удержать *status quo* и всячески противодействуют происходящим изменениям, так и среди значительных слоев общества в разных странах и регионах, поскольку изменения подрывают чувство уверенности и стабильности, а во многих регионах Азии, Африки и Латинской Америки отождествляются с попытками навязать этим обществам западные ценности («вестернизация» и «американизация»). В результате процесс глобализации иногда ведет к фрагментаризации, а модернизация вызывает в различных частях мира сопротивление и защиту традиционного и консервативного образа жизни; в свою очередь, демократизация представляется как исторически сформированный способ осуществления власти в высоко развитых и богатых обществах Запада, способ, который противоречит культуре, ментальности и традициям других частей света. Это составляет основу популизма, который в некоторых регионах мира, особенно в Латинской Америке, приобрел форму антиамериканизма, заручился поддержкой широких общественных масс и может вести к опасным последствиям в сфере региональной и глобальной безопасности (иллюстрацией является поддержка, которой пользуется, например, президент Махмуд Ахмадинежад в Иране и Уго Чавес в Венесуэле и во многих других странах Латинской Америки).

Трудности определения направления будущего хода событий в мире склоняют многих теоретиков и политиков к поиску

аналогий в прошлом и на этой основе вынуждают формулировать новую идею, упорядочивающую мир в XXI в.

Система нового равновесия

Интересные мысли появились в этом вопросе летом 2005 г. на страницах серьезного американского ежеквартальника „International Security”¹⁵. Начатая дискуссия была реакцией на стратегию безопасности администрации президента Джорджа Буша, которая обосновывала право Соединенных Штатов на превентивную интервенцию против государств, которые представляют собой угрозу американским интересам – даже тогда, когда позиция США не имеет широкой поддержки участников международной системы. Профессор Чикагского университета Роберт Пейдж поставил под сомнение эту новую «доктрину» и выразил мнение, что ее результатом будет фундаментальная трансформация международной системы. Сущностью такой трансформации станет мягкое равновесие (*soft-balancing*) Соединенных Штатов, состоящее в том, что другие глобальные державы не бросят Соединенным Штатам открытый вызов, но используют различные международные учреждения, свою экономическую мощь и дипломатические инструменты для сдерживания, неодобрения и подрыва американской политики интервенционализма¹⁶. Если бы такой подход крупных акторов на международной арене не изменил позицию Соединенных Штатов, нарастающее «мягкое» равновесие создало бы основания для «жесткого» равновесия, направленного против США. Автор исследования сформулировал требование о том, чтобы Соединенные Штаты «отказались от систематического использования превентивной войны, как и других агрессивных односторонних военных шагов, и возвратились к своей традиционной политике, руководствующейся в применении силы расчетом расходов и

¹⁵ „International Security” 2005, № 1.

¹⁶ R.A. Page, *Soft Balancing against the United States* // „International Security” 2005, № 1. – С. 7–45.

потерь в каждом конкретном случае»¹⁷. По мнению автора, такое «мягкое уравнивание» американской политики главными мировыми державами уже началось. «Глобальные мировые державы реагируют на свое беспокойство, следующее из намерений США, а не из американских возможностей [ответа. – А. Д. Р.]». Другими словами, ничто еще не предопределено: реакция американских партнеров диктуется скорее беспокойством, чем негативной позицией по отношению к США. Это особенно касается Германии, Франции и Евросоюза в целом. Но от американцев ожидаются действия, которые надолго изменят восприятие политики США среди союзников. Этот новый подход к пониманию политики безопасности американскими партнерами следовало бы отметить. В последние пятнадцать лет аналитики международной безопасности считали, впрочем, не без оснований, что теория равновесия сил в международной системе при американском господстве утратила значение. Мировые державы «второй лиги» (такие, как Китай, Франция, Россия или Индия, Германия, Бразилия) скорее избегали бы – в одиночку или даже в рамках временных союзов – действий, которые могли бы восприниматься как создание противовеса Соединенным Штатам. Они ни при каких обстоятельствах не согласились бы с ограничением собственной суверенности и подчинением или с зависимостью реализации своих интересов от согласия США. После интервенции в Ирак обозначились – особенно на форуме ООН – тенденции к созданию временных коалиций, направленных на ограничение или «сдерживание» Соединенных Штатов¹⁸. В этом контексте рассматривались четыре потенциальных «альянса»: стратегическое партнерство России с Китаем, российская помощь в развитии ядерной программы Ирана, усилия Европейского союза по развитию собственного оборонного потенциала, наконец – сопротивление крупных держав американской интервенции в Ирак. Ни один из этих вариантов не дает оснований для формулирования тезиса о том, что «мягкое

¹⁷ *Ibidem.* – С. 3, 45.

¹⁸ Шире на эту тему см.: T. V. Paul, *Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy* // „International Security” 2005, № 1. – С. 46–71.

уравновешивание» является начальным этапом возвращения к концепции равновесия сил в мире¹⁹.

Безопасность мира в XXI в. скорее всего не будет опираться на традиционные, классические союзы и контрсоюзы. Ничто не свидетельствует о том, что мировые державы готовят агрессию против самих себя. Вызовом и угрозой, однако, является нарастающее чувство неуверенности и опасения, связанные с непредвиденным развитием событий, импульсом для которых может быть внутреннее развитие в одном из беспокойных регионов (Персидский залив, Ближний Восток, Корейский полуостров). Как внутренние политические силы, так и внешние акторы могут потерять контроль над таким развитием. Предотвращение этого – в интересах главных держав, эта задача будет склонять их скорее к сотрудничеству, чем к военному использованию кризисной ситуации (иллюстрацией является реакция держав на развитие событий в Пакистане после убийства Беназир Бхутто).

Следовало бы создавать скорее систему равновесия интересов, чем равновесия сил, хотя установление такого равновесия – если бы оно ограничивалось лишь мировыми державами – вызвало бы естественный протест и сопротивление со стороны средних и малых государств, встревоженных потенциальным ущербом для своих интересов. Из польской перспективы иллюстрацией такого понимания равновесия интересов между Россией и Германией является решение о строительстве Северного газопровода. На повестке дня оказывается не только вопрос о том, почему Россия и Германия избрали такой способ строительства газопровода – прокладка трубы по дну моря по сути является более дорогим и более вредным для окружающей среды предприятием, чем наземный путь, но есть еще один вопрос: каково будущее сухопутных газопроводов, проходящих по территории Польши? Ответ на таким образом поставленные вопросы содержит несколько элементов: во-первых, Россия использует свою мо-

¹⁹ S.G. Brooks, W.C. Wolforth, *Hard Times for Soft Balancing* // „International Security” 2005, № 1. – С. 72-108.

нопольное положение как производитель и экспортер энергоресурсов, чтобы получить экономические рычаги для оказания политического влияния на Европу; во-вторых, выбор Германии как главного партнера и дистрибьютора газа для всей Европы институционализирует привилегированное отношение к ней в этой области – в ущерб для интересов энергетической безопасности государств Центральной и Восточной Европы; в-третьих, реализация этой инвестиции затруднит формирование совместной европейской стратегии в обеспечении энергетической безопасности всего ЕС.

Своеобразный способ понимания нового равновесия интересов глобальных государств в сентябре 2007 г. представил министр иностранных дел России Сергей Лавров: «условия свободы диктуют необходимость коллективного руководства главных мировых держав. Это можно назвать “концертом держав XXI века” (...) Для той части мира, которую принято определять как евро-атлантический регион, не помешало бы взаимопонимание тройки – США, России и Европейского союза. (...) Я согласен, что такая “тройка” могла бы “вывести мировую лодку в более спокойные воды”. В рамках этого “треугольника” есть вопросы, в которых Европа ближе Соединенным Штатам, но в ряду стратегических вопросов ее позиция совпадает с [подходом. – А. Д. Р.] России. Возьмем тему применения силы и других форм принуждения, как и отношение к международному праву. Невзирая на различия в “тройке”, мы должны стремиться к разработке в максимальной степени возможного общего знаменателя. Во всяком случае, если кто-то считает, что мы обойдемся без концепции сдерживания, то такой “концерт трио” – это лучшая, и что существенно – неконфронтационная и недорогая форма взаимного сдерживания. Возможно, пришло время, чтобы подумать о новой дефиниции атлантизма, которая не исключала бы России»²⁰.

²⁰ Лекция министра иностранных дел России С. В. Лаврова на открытии учебного года в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), Москва, 3 сентября 2007 г. Обширные фрагменты доклада см.: www.gazetawyborcza.pl.

Политическая философия российской политики опирается на новую интерпретацию старой концепции равновесия, которая по сути является, по мнению российского министра иностранных дел, неизменной («Россия уже 300 лет берет на себя немалое бремя поддержания равновесия в европейской и мировой политике»²¹). В понимании руководителя российской дипломатии элемент непрерывности во внешней политике России имеет большее значение, чем фундаментальные изменения, которые произошли на европейской и мировой арене. «Формула равновесия в международных отношениях, – считает С. Лавров, – опирается на мирное сосуществование, на международное право, коллективную безопасность, политико-дипломатическое урегулирование конфликтов»²². Такое широкое понимание концепции равновесия не объясняет, а скорее по сути прикрывает новую роль, на которую претендует Россия в отношениях с внешним миром. С этой точки зрения гораздо более открытыми были выступления президента Владимира Путина. Их лейтмотивом был не столько поиск равновесия интересов, сколько признание новой роли России как глобальной державы – равнозначной той позиции, которую занимают в мире Соединенные Штаты. Другими словами, это политика, направленная на обретение Россией – в радикально изменившемся мире – статуса, который имел в биполярном мире Советский Союз. В достижении этой цели фактором, который повлиял на изменение подхода России к глобальным проблемам, является не только развитие событий в мире, но и изменение ситуации в самой России.

Для нового подхода России к решению нынешних и будущих проблем в мире и в Европе ключевое значение имеют два фактора: обладание самым большим – если не учитывать Соединенные Штаты – арсеналом ядерного оружия и сред-

²¹ *Ibidem.*

²² *Ibidem.*

ствами его доставки²³, а также огромными запасами энергетических ресурсов (газа и нефти), потребность в которых в мире возрастает. Это исчерпаемое сырье. Большой спрос и трудности в получении этого стратегического сырья приводят к тому, что и без того космические цены еще больше растут (пятикратное увеличение в течение пяти лет), но и доступ к этому сырью становится важным рычагом политики безопасности государств, а также политического давления и шантажа.

10 февраля 2007 г. на Конференции по безопасности в Мюнхене президент России Владимир Путин заявил: «Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности»²⁴. Главной идеей российского президента было выражение сомнения в правомерности господствующего положения в мире Соединенных Штатов во всех возможных аспектах – политическом, экономическом, военном. При случае он критиковал также институты, характеризующиеся существенными достижениями в процессе мирной трансформации международной системы. Так, например, он упрекнул западные страны в том, что они превращают Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе в «вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран». Он подверг сомнению смысл размещения в Европе оборудования американской системы противоракетной обороны. Несколько месяцев спустя, 4 июня 2007 г., в беседе с журналистами из стран «Восьмерки» прези-

²³ В 2007 г. атомные государства совместно обладали более чем 26 тыс. ядерных боеголовок, в том числе Соединенные Штаты – около 10 тыс. (из них 5 045 в состоянии боеготовности – на вооружении армии) и Россия – около 15 тыс. боеголовок (из них 5 700 на вооружении армии, а 9 300 – на складах, предназначенные к уничтожению). См.: „SIPRI Yearbook 2007“, Appendix 12A, table 12A.1. Соединенные Штаты и Россия обязались сократить свои ядерные стратегические потенциалы до 31 декабря 2012 г. до уровня 1 700-2 200 ядерных боеголовок. Уничтожение российского ядерного потенциала (и других видов оружия массового поражения) финансируется из специального фонда в рамках международной программы GTR – *Global Threat Reduction* в размере 20 млрд. долларов; 10 млрд. дали Соединенные Штаты, остальные 10 млрд. – другие западные государства.

²⁴ См.: <http://www.kremlin.ru>.

дент Путин предсказал новую гонку вооружений²⁵, а вместе с тем снял с России ответственность за «совершенствование [российской. – А. Д. Р.] системы стратегического ядерного оружия». Противоракетная защита, объяснял Путин, нарушает стратегический баланс. «Для того чтобы этот баланс восстановить, не создавая у себя системы противоракетной обороны, мы вынуждены будем создавать системы преодоления этой ПРО, что мы и делаем сейчас»²⁶.

Это понимание опирается на анахроничную концепцию, согласно которой возврат к доктрине взаимного устрашения может обеспечить безопасность. Следствием этой доктрины является неизбежная гонка вооружений. Гораздо более многообещающей была бы совместная противоракетная оборона Соединенных Штатов и Европы в сотрудничестве с Россией. Однако такой альтернативный подход будет не результатом процесса принятия решений, в котором решающий голос имеют военные и генеральные штабы, а выражением новой политической философии, соответствующей потребностям XXI века. Он нейтрализовал бы потенциальные угрозы, которые направлены и будут направлены против России не с Запада, а с Юга. Не исключено, что обострение тона и конфронтационная риторика продиктованы внутренними нуждами и не выражают сущности долговременной новой асертивной стратегии России в отношениях с внешним миром. Заметное улучшение экономической ситуации может способствовать в равной мере как росту воинственности и даже вызывающему поведению, так и спокойному и рациональному расчету расходов, а также потерь и выгоды, которые принесла бы политика недоверия, напряженности, конфронтации и гонки вооружений. Стремление России улучшить свое положение в мире естественно и понятно. Открытым остается вопрос о том, какой выбор сделают правящие политические

²⁵ «...Мы снимаем с себя ответственность за наши ответные шаги, потому что не мы являемся инициаторами безусловно назревающей новой гонки вооружений в Европе». См.: <http://www.kremlin.ru>.

²⁶ *Ibidem*.

элиты. В вопросах внутреннего развития произошло явное переориентирование: от демократического выбора, начатого во время перестройки Михаила Горбачева и продолжаемого после распада СССР Борисом Ельциным, до авторитаризма, который в этой стране имеет многовековые традиции, начиная от деспотизма Ивана Грозного в конце XVI в., через политику открытия Петром I России навстречу Европе в XVII в. до построения империи в XVIII в. Екатериной Великой. Попытки модернизации России в XIX и в начале XX века – реформаторское правление премьеров Сергея Витте и Петра Столыпина – не сопровождались ни демократией, ни построением правового государства. Доминировал автократизм. Такая форма правления позволяет концентрировать и мобилизовать средства в особенности на нужды военного сектора. Но она становится существенной трудностью в использовании интеллектуального потенциала, который является одним из главных факторов быстрой модернизации государства в эпоху информатики и биотехнологий.

Темп развития определяется в XXI в. не столько сырьевыми запасами, сколько научно-техническим потенциалом. Главные расходы на исследования и развитие несут сегодня государства-члены Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), а также Китай, Россия и Индия. На Соединенные Штаты приходится более 30% мировых расходов на исследования и развитие, на ЕС – 25%. По оценке заслуживающих доверия центров, в ближайшие десятилетия вперед выйдут страны Азии, главным образом Китай и Индия, участие которых в этих расходах возрастет. В 2006 г. Китай выделял на научные исследования и развитие более 13,5% всех мировых средств, предназначенных на эти цели, т. е. больше Японии (свыше 12%). Данные пропорции изменятся еще более в пользу Китая и Индии.

Престижный Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО) в опубликованном в 2007 г. прогнозе развития мировой экономики до 2020 г. выдвинул тезис о том, что, кроме информа-

ционных и биотехнологий, наиболее многообещающи междисциплинарные и нанотехнологические исследования²⁷. Ожидаемые технологические инновации охватят не только экономику, но также другие сферы жизни, а в особенности они будут результатом объединенного применения достижений генетики, информатики и нанотехнологий в здравоохранении, защите окружающей среды, накопления и использования информации, а также развития альтернативных источников энергии. Авторы российского прогноза точно подметили, что в XXI в. место государств в рейтингах определяется не количеством ракет и ядерных боеголовок и не запасами стратегического сырья, а человеческим капиталом. Важнейшим «сырьевым» ресурсом государств является «серое вещество» их граждан, система образования и способ подготовки новых поколений к тому, чтобы они могли справиться с будущими вызовами.

Набросок прогноза

Роберт Купер был прав, когда писал: «Есть новый мир, но нет нового мирового порядка (...), но нет и нового мирового беспорядка»²⁸. Есть безопасная Европа и Северная Америка, но есть и территории, на которых затаилась угроза, не только для отдельных регионов (Персидский залив, Ближний Восток, Корейский полуостров), но и для мира в целом. Есть, наконец, зоны хаоса, отсутствия перспектив развития, неуверенности, бедности, голода и болезней (Африка, многие государства Азии и Латинской Америки). В концепции Купера мы живем в мире, разделенном на три зоны: государства постсовременного богатого и высоко развитого Севера – Европа, Соединенные Штаты, Канада (к этой группе можно отнести также Японию, Австралию, Новую Зеландию); современные госу-

²⁷ Дынкин А. А. (ред.). *Мировая экономика: Прогноз до 2020 года*. – Москва, 2007. – С. 101–102.

²⁸ R. Cooper, *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century*, Atlantic Monthly Press, London, 2003. – С. 55.

дарства – в меру хорошо организованные, которые вошли в индустриальную эпоху (главным образом, в Азии, Латинской Америке и части Африки – к этой категории принадлежат новые глобальные державы – Китай, Индия, Россия, Бразилия); наконец, предсовременные государства, в которых вожди племен, кланов и больших семей решают, как осуществлять власть, а существование простых людей находится на уровне бедности, оно просто невообразимо для европейцев и американцев. В то же время это зона хаоса, конфликтов, непредсказуемого развития.

По мнению классика «реалполитик», есть два пути обеспечения стабильности: гегемония или равновесие²⁹. Это мысль, соответствующая требованиям времени, ушедшему в прошлое. В дифференцированном, но взаимозависимом мире XXI в. нет смысла приводить простые формулы и логичные мысленные конструкции, которые соответствовали бы потребностям XIX и первой половины прошлого века. Их применение ничего не решает. Напротив, порождает новые проблемы. Неординарные проблемы и ситуации требуют неординарных решений. На практике это означает необходимость осознания, что, поскольку мир так сложен, способы нейтрализации риска и угроз тоже должны быть сложными. Международная безопасность требует холистического подхода, который включает в себя не только политический и военный аспекты (как это имело место в прошлом), но также экономический, информационный и цивилизационный, позволяющий нациям сохранить их идентичность. Если мир XXI в. образуют государства, принадлежащие к трем категориям (предсовременные, современные и постсовременные), которые не признают доминирования и гегемонии, то идею, организующую глобальную систему, невозможно свести к одному решающему критерию, каким было в прошлом устрашение, опиравшееся на равновесие страха. Для Соединенных Штатов под руководством нынешней администрации идеей, органи-

²⁹ Такое мнение выразил 29 марта 1995 г. Генри Киссинджер на конференции под названием *Britain in the World*, цит. по: R. Cooper, *op. cit.* – С. 76.

зующей глобальную систему, является пропаганда демократии, т. е. трансформация государственного устройства (*regime change*). Для государств Европейского союза ключевым критерием является соблюдение норм права (*rule of law*). Для мира как целого идеей, организующей глобальную безопасность, является взаимозависимость (*interdependance*). Фундаментальные вызовы – определенные 40 лет назад Карлом Дойчем³⁰ – сохраняют свое значение. Это взаимоотношения между народами и государствами, с одной стороны, и обществами и международным сообществом, с другой.

Скажем прямо: мы можем предвидеть главные направления, течения и даже набросать их различные версии и варианты. Но мы не можем предвидеть событий – катастроф типа цунами или того, кто и когда получит власть в главных державах мира, каким образом он будет ее осуществлять и с каким результатом. Другими словами, мы можем прогнозировать рациональное и предсказуемое. Так, например, мы знаем с большой степенью вероятности, что население мира возрастет от 6,4 млрд. в 2005 г. до около 8 млрд. в 2025 г. (т. е. на 23,4%), причем этот рост не будет равномерным: в африканской Субсахаре составит 43-48,4%, в Латинской Америке – 24%, в Азии – 21%. А в высокоразвитых странах численность населения удержится на прежнем уровне, хотя в Соединенных Штатах возрастет на 17%, в ЕС – на 2%, а в Японии уменьшится на 2%. В свою очередь, в России несколько лет назад предвиделся демографический дефицит порядка 10,8%³¹, однако предпринятые там в последнее время действия затормозили это снижение. Так или иначе, можно быть уверенным в том, что структура возраста населения в Европе и в России изменится неблагоприятно – предвидится старение обществ в этой части света. Жители Европейского союза будут составлять около 6% населения мира.

³⁰ K. W. Deutsch, *The Analysis of International Relations* (part I—*Ten Fundamental Questions*), Prentice Hall, Inc. Englewood Cliffe, New Jersey, 1968.

³¹ *World Population Ageing: 1950–2050*, UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division, United Nations, New York, 2002.

Расчетные прогнозы указывают, что до 2020 г. сохранится средний экономический рост порядка 3,5% в мировом масштабе. Наибольший экономический рост ожидается в Китае и Индии. Во все большей степени он будет результатом развития самых современных технологий. Уменьшится доля высокоразвитых государств Организации экономического сотрудничества и развития в мировом валовом продукте (в 2000 г. эта доля составляла 55%, а в 2030 г. ожидается снижение до 40%), а новые азиатские гиганты в то же самое время увеличат свою долю с 24% до 38%. Некоторые расчеты предусматривают, что совокупный продукт Бразилии, России, Индии и Китая в 2025 г. возрастет до половины совокупного национального продукта брутто шести нынешних крупнейших экономических гигантов мира – Соединенных Штатов, Японии, Германии, Великобритании, Франции и Италии³².

Для целостной картины мира существенно то, что через 20 лет будет пересмотрена роль главных экономических гигантов современного мира (США, Японии, Европы) в главных финансовых институтах: Всемирной торговой организации, Всемирном банке и Международном валютном фонде.

Поскольку главную линию нового раздела в мире определяет отношение к демократии, следует заметить, что, по мнению *Freedom House*, 122 государства ныне признаны демократическими – назовем их «избирательными демократиями», потому что власти там устанавливаются в результате выборов³³. Это 64% всех государств мира (20 лет назад едва лишь 66 государств организовали выборы, т. е. 40% общего числа государств). Однако выборы зачастую являются фикцией, а демократии, определяемые таким образом, имеют фасадный или популистский характер. Менее 50% государств причисляются к «свободным», 30% - к «частично свободным», а

³² Данные приведены по: *The New Global Puzzle. What World for the EU in 2025?*, Directed by N. Gnesotto and G. Grevi, EU Institute for Security Studies, Paris, 2006. С. 31-35.

³³ *Freedom in the World 2006*, Freedom House, Washington, 2006.

24% - к категории государств, «лишенных свободы»³⁴. В таких странах, как Белоруссия или Иран, выборы могут быть свободными, а общества и народы лишены свободы. Ибо демократия – это не только выборы, но прежде всего процедуры, механизмы и правовые институты при соблюдении принципа главенства закона.

Европейский союз в 2025 г. будет одной из самых богатых и безопасных территорий мира. Однако он не сможет идти в ногу с Соединенными Штатами в развитии самых современных технологий, а его позиция будет подрываться новыми гигантами, в особенности Китаем и Индией. Но с точки зрения социальной безопасности и качества жизни он не будет иметь равных в мире. Президент Франции Николя Саркози предлагает создать по образцу ЕС Средиземноморский союз. Выдающиеся американские политики, в свою очередь, вдохновленные той ролью, которую ОБСЕ сыграла в мирной трансформации Центральной и Восточной Европы, требуют, чтобы начатый в Хельсинки процесс охватывал также страны «Более широкого Ближнего Востока» (вместе 78 государств). Те и другие идеи – хотя они и продиктованы благородными побуждениями – не принесут желаемых результатов, так как будущее государств и регионов определяется не столько формами и институтами, сколько цивилизационным прогрессом и волей общества.

Главными проблемами ЕС будут стареющие общества, отсутствие достаточно развитых альтернативных источников энергии и неэффективность в реализации Общей внешней политики и политики безопасности по сравнению с ее огромным потенциалом. Новой проблемой могут быть центробежные тенденции в некоторых государствах ЕС (например, в Бельгии, Великобритании или Испании), где отдельные группы, являющиеся сторонниками сепаратизма (фламандцы, шотландцы, баски), считают, что сильному Евросоюзу не нуж-

³⁴ *Ibidem.*

ны сильные государства, и будут стремиться к полной эмансипации.

Два государства – Ирландия и Финляндия – ранее бедные, отсталые и периферийные, в течение последних 15 лет стали символом потенциальных возможностей, которые создает принадлежность к европейскому сообществу, скоррелированная с глубокими внутренними преобразованиями и умелым собственным включением в процессы глобализации и модернизации.

С польской точки зрения, международные отношения через 15-20 лет главным образом станут восприниматься сквозь призму роли, которую будет играть в мире Европейский союз. Идеей, организующей глобальную систему, станет растущая взаимозависимость. Все больше областей жизни будет регулироваться с учетом общих глобальных угроз, связанных с изменениями климата и нехваткой запасов пресной воды во многих регионах мира. Легитимизация новых правил игры будет опираться не на большие международно-правовые договоры, а на соглашения политического характера, эффективность которых будет зависеть от совпадения интересов. Международная жизнь будет подчинена не столько большим стратегиям, сколько прагматическим согласованиям и функциональным потребностям. Военные и экономические аспекты сохранят свое значение, особенно в политике мировых держав, но возрастет значение других факторов – интеллектуального, научного потенциала и способности к быстрому внедрению инновационных решений, особенно в сфере информатики, био- и нанотехнологий.

Три процесса будут определять гетерогенный характер международной политической системы. Во-первых, старые и новые мировые державы будут стремиться к обретению главной роли в принятии решений и выборе способа решения глобальных проблем. Во-вторых, Соединенные Штаты во все большей степени будут придерживаться политики самоограничения, особенно в регионах и вопросах, которые не будут иметь приоритетного значения для их национальных

интересов. Мир будет уважать позицию и роль Соединенных Штатов как «необходимой державы» в решении важнейших проблем.

Хотя в своей риторике глобальные державы будут все чаще ссылаться на «общие интересы мировой общественности», на практике они будут руководствоваться собственными национальными интересами, зачастую в ущерб интересам средних и малых государств. В-третьих, возрастет количество слабых, разлагающихся и несостоятельных государств – неспособных соответствовать элементарным ожиданиям собственных обществ. Новое явление – то, что государства бедного Юга, в отличие от того, что было в прошлом, не мирятся со своей нищетой и направляют свой гнев на мир богатого Севера. Это будет главным источником будущих конфликтов, прежде всего в Африке, отчасти в Азии и Центральной Америке.

Европейский союз будет восприниматься как своеобразная точка отсчета и образец для подражания в других частях мира. Главные линии противоречий и борьбы в глобальном масштабе будут определять напряженности между властью закона и демократией, с одной стороны, и агрессивным религиозным фундаментализмом, своеобразной тео- и автократией, с другой. Безопасность будущего мира будет представлять собой производную гармонизации интересов государств и народов, а также обществ и международного сообщества.

Статья из книги: A.D. Rotfeld (red.), *Dokąd zmierza świat?*, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2008. – С. 11–30